

УДК 343.85

DOI: 10.17223/22253513/28/7

И.Г. Смирнова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ: КОНФЛИКТ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Раскрываются основные подходы к пониманию и анализу назначения уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ. Автор предлагает рассмотреть вопрос о соотношении таких категорий, как назначение уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальная стратегия. Полагает, что современная законодательная конструкция не отражает в полной мере тех ожиданий, которые связаны с уголовным судопроизводством на современном этапе, поскольку законодателем остались неучтенными интересы общества и государства. Более того, на данный момент законодатель не определился с приоритетной уголовно-процессуальной стратегией, что приводит к дисбалансу системы уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, назначение уголовного судопроизводства, цель, уголовно-процессуальная стратегия, права участников уголовного судопроизводства, процессуальная экономия.

В свое время Ф. Эли писал: «Два интереса, одинаково мощные и одинаково связанные, равно требуют себе покровительства: интерес общества, который требует справедливого и быстрого наказания за преступление; интерес обвиняемого, который также является общественным интересом и который требует полной гарантии гражданских прав и прав защиты» [1. С. 583].

Действительно, совершение преступления или общественно опасного деяния, с одной стороны, всегда сопряжено с ущемлением общественного интереса, связанного с необходимостью обеспечения стабильного развития общества, а также состояния защищенности жизненно важных интересов. С другой стороны, как наиболее репрессивная форма государственной деятельности уголовно-процессуальная деятельность немыслима без ограничения конституционных прав личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства.

Вместе с тем нельзя не вспомнить Н.Н. Полянского, справедливо отмечавшего двоякое практическое значение уголовного процесса: заинтересованность не только общества, но и государства в целом в наказуемости совершаемых преступлений, а также в интересе не только обвиняемого, но и всех граждан в недопущении злоупотреблений со стороны органов правосудия [2. С. 7].

Таким образом, отмечается триада ценностей и интересов, нуждающихся в охране и защите в сфере уголовного судопроизводства: интересы личности, общества и государства. В таком ракурсе особый интерес представляется ст. 6 УПК РФ, закрепляющая назначение уголовного судопроизвод-

ства. Ее анализ убедительно показывает, что законодатель в указанной триаде ценностей отдает приоритет частным интересам, а именно гарантирует защиту прав и интересов лиц, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав. В научной литературе вопрос о назначении уголовного судопроизводства с завидным постоянством является предметом исследования, обсуждения, анализа и критики: процессуалисты рассматривают назначение через этимологическое, аксиологическое значение данного понятия, через соотношение с такими категориями, как цели, задачи уголовного судопроизводства [3. С. 105–132]. Однако, как представляется, есть еще один аспект, также нуждающийся в своем осмыслении. Речь идет о необходимости анализа назначения уголовного судопроизводства в контексте приоритетной уголовно-процессуальной стратегии. Иными словами, только комплексное исследование назначения, целеполагания, приемлемых и необходимых на данном этапе развития уголовно-процессуальных стратегий с учетом исторических, социальных, культурных и иных особенностей развития государства и общества позволит понять причину противоречивости действующего уголовно-процессуального закона, имеющийся эффект «спящего права» и нарушение в ряде случаев прав и свобод личности.

Итак, рассматривая вопросы стратегии, В.Т. Томин отмечал, что термин «стратегия» первоначально был неразрывно связан с войной и означает составную часть военного искусства, представляющую собой высший его уровень, определяющую способ действия войск и военачальников [4]. В свою очередь, в Толковом словаре русского языка дается следующее определение: «Стратегия – искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [5. С. 772]. Особый научно-практический интерес представляет предложенная Н.Г. Стойко классификация «механизмов правового регулирования общественных отношений»: защита прав и свобод обвиняемого; уголовное преследование; социальная поддержка обвиняемого; социальная поддержка потерпевшего; рациональность и эффективность уголовного судопроизводства; примирение [6. С. 4–5].

Если попробовать распределить данные стратегии по приоритетному интересу, представляемому каждой из вышеуказанных уголовно-процессуальных стратегий, то можно получить следующее.

Как представляется, частный интерес в большей степени реализуется в рамках таких стратегий, как защита прав и свобод обвиняемого, социальная поддержка потерпевшего. В свою очередь, общественный интерес представлен стратегией примирения. Наконец, государственные интересы выступают в качестве приоритетных, по нашему мнению, путем применения стратегий уголовного преследования, рациональности и эффективности уголовного судопроизводства.

Конечно, следует признать справедливость вывода о том, что имеющиеся уголовно-процессуальные модели (как некий архетип) следует отличать от тех конкретных национальных уголовно-процессуальных систем,

которые складываются в различных государствах [7]. Поэтому, возвращаясь к законодательной конструкции назначения уголовного судопроизводства, нельзя не обратить внимания на безусловный приоритет защиты интересов личности в сфере уголовного судопроизводства. Однако остается открытым вопрос: а какая стратегия является приоритетной для российского уголовного судопроизводства и соответствует ли она законодательной конструкции ст. 6 УПК РФ? Попробуем разобраться.

Итак, уголовно-процессуальная стратегия защиты прав и свобод обвиняемого, бесспорно, приоритетна и нормативно признана как одно из направлений назначения уголовного судопроизводства. Кроме того, многие законодательные конструкции (судебный контроль, судебное санкционирование, право на защиту на более ранних этапах уголовного преследования и т.п.) также призваны обеспечить фактическое соблюдение и защиту прав и интересов личности. Однако правовые позиции Конституционного Суда РФ позволяют утверждать, что зачастую приходится жертвовать необходимостью обеспечения прав и свобод обвиняемого в интересах другого участника уголовного судопроизводства, также имеющего в деле собственный интерес потерпевшего.

Например, в первоначальной редакции ч. 9 ст. 246 УПК РФ пересмотр итогового судебного решения о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения был возможен только в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г.¹ данная норма была признана не соответствующей Конституции РФ, как не позволяющая обжаловать итоговое решение суда, вынесенное в связи с отказом прокурора от обвинения, в апелляционном, кассационном или надзорном порядках. Одна из основных причин формирования данной правовой позиции – необходимость учета интересов потерпевшего и защиты его прав. В последующем данная норма утратила свою силу как не соответствующая Конституции РФ.

В этой же связи нельзя не вспомнить первоначальную редакцию нормы, урегулированной п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ и закреплявшей в качестве новых обстоятельств для возобновления производства по уголовному делу не известные суду на момент вынесения судебного решения обстоятельства, которые исключают преступность и наказуемость деяния. Однако Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. данная норма претерпела существенные изменения, поскольку в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. в целях исправления судебных ошибок, искажающих суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, для обеспечения баланса защищаемых Конституцией РФ ценностей, а так-

---

¹ По делу о проверке конституционности положений ст. 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

же в интересах потерпевшего Конституционный Суд РФ признал, что допустимы исключения из общего правила о запрете поворота к худшему. Таким образом, в настоящее время к новым обстоятельствам наряду с ранее перечисленными следует относить также обстоятельства, которые подтверждают наступление новых общественно опасных последствий как основания для предъявления лицу более тяжкого обвинения.

Возможна и обратная ситуация, когда соблюдение прав обвиняемого и защита его законных интересов невозможны без ограничения интересов потерпевшего. Так, согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 возражение потерпевшего против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может рассматриваться в качестве безусловного основания для рассмотрения дела в общем порядке². Иными словами, несмотря на то что по таким делам производство в суде осуществляется по общим правилам рассмотрения уголовного дела при согласии лица с предъявленным обвинением (где согласие потерпевшего является одним из оснований применения сокращенного порядка (ч. 1 ст. 314 УПК РФ)), тем не менее, согласие потерпевшего на рассмотрение уголовного дела в сокращенном порядке при наличии заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве не имеет той же силы. В таких случаях следует признать, что интересы борьбы с преступностью как яркое проявление публичного интереса имеют приоритетное значение перед учетом мнения потерпевшего. Такой подход может быть обоснован и тем, что согласно позиции Европейского Суда по правам человека участие потерпевшего в уголовном деле не следует рассматривать как его право на личную месть³.

Как указанные, так и многие иные правовые позиции судебных органов власти свидетельствуют о невозможности установления баланса интересов потерпевшего и обвиняемого: в развитии уголовно-процессуальных отношений обязательно возникнет так называемая точка бифуркации, которая предопределит дальнейшие изменения уголовно-процессуального закона и последующей практики его применения.

Более того, современный процессуальный закон не ориентирован в принципе на социальную защиту ни потерпевшего, ни обвиняемого, предусматривая только процессуальные гарантии соблюдения или законного ограничения прав данных участников уголовного судопроизводства.

Как отмечено было выше, государственному интересу в полной мере соответствует стратегия уголовного преследования, равно как и стратегия рациональности и эффективности уголовного судопроизводства. Следует

---

2 О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

3 Дело «Перес (Perez) против Франции» (жалоба № 47287/99). URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 12.03.2018).

согласиться с позицией К.В. Муравьева, утверждающего, что распространение ускоренных производств и в нормативном плане, и в части правоприменительной практики обусловлено интересами экономичности и целесообразности; однако это сопряжено со снижением уровня процессуальных гарантий участников процесса, а также с искажением сущности дифференцированных сокращенных форм [8. С. 5].

Развитие сокращенных форм производства как факт не вызывает ни у кого сомнений: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (Глава 40 УПК РФ), особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ), дознание в сокращенной форме (Глава 32.1 УПК РФ). Но следует выделить еще одну немаловажную тенденцию, соответствующую публичному интересу: появление «квази» особых производств, например, по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. На это неопровержимо указывают нормы, регулирующие наличие специфического повода возбуждения уголовного дела (ч. 1² ст. 140 УПК РФ), особый режим правового регулирования порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81¹ УПК РФ), установленные ограничения на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ), особое основание прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28¹ УПК РФ) и особый порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования (Глава 51¹ УПК РФ). Данные тенденции, как представляется, способствуют развитию социального неравенства в том числе сфере уголовно-процессуального регулирования. Однако любые изменения и новации будут эффективны только при условии снижения крайне высокого уровня социального неравенства (в настоящее время это является одной из институциональных проблем, отмеченных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.⁴

Таким образом, можно констатировать, что так или иначе в УПК РФ отражены элементы большинства из вышеперечисленных стратегий. Более того, некоторые из них являются антагонистичными. Иными словами, норма ст. 6 УПК РФ до сих пор является оценкой-предпочтением, выражающей не сущее, но должное.

Здесь уместно вспомнить введенную в научный оборот А.П. Поповым новую категорию целеполагания как рода человеческой деятельности, осуществляемой строго определенным кругом субъектов и направленной на создание структуры целей, задач и функций [9. С. 28–29].

---

⁴ О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Как представляется, именно в этом концептуальном направлении следует осуществлять дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального закона и корректировку практики его применения.

Литература

1. *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Альфа ; Равена, 1995. 846 с.
2. *Полянский Н.Н.* Уголовный процесс: Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции. М. : Типо-литогр. Тов-ва И.Д. Сытина, 1911. 203 с.
3. *Смирнова И.Г.* Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. 517 с.
4. *Томин В.Т.* Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования. URL: <http://www.iuaaj.net> (дата обращения: 12.03.2018).
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
6. *Стойко Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2007. 50 с.
7. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016.
8. *Муравьев К.В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 43 с.
9. *Попов А.П.* Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 458 с.

Smirnova Irina G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk, Russian Federation)

CRIMINAL PROCEDURE STRATEGY: CONFLICT OF THE GOAL

Keywords: criminal process, appointment of criminal proceedings, purpose, criminal procedure strategy, rights of participants in criminal proceedings, procedural economy.

DOI: 10.17223/22253513/28/7

Using the axiomatic, axiological, historical and other methods of scientific research, the author justifies the need to analyze the purpose of criminal proceedings in the context of the priority criminal procedural strategy. In other words, only a comprehensive study of the purpose, goal-setting, acceptable and necessary at this stage of development of criminal procedural strategies, taking into account historical, social, cultural and other specifics of the development of the state and society, will enable us to understand the reason for the inconsistency of the current criminal procedure law, the effect of "sleeping law" and violation in some cases of the rights and freedoms of the individual.

Revealing the existing classification of criminal procedural strategies as mechanisms for the legal regulation of social relations, proposed by NG. Stojko, the author, through the prism of the changing criminal procedural law, as well as the expressed legal positions of the judicial authorities, proves that these strategies mostly do not fit in the designation of criminal proceedings, and also are opposed to each other.

In particular, the social support of the accused and the social support of the victim were not found in Russian criminal proceedings. In turn, the protection of the rights of the accused as a strategy undergoes restrictions in connection with the need to ensure the rights of another

participant in criminal proceedings - the victim. Similarly, the criminal prosecution strategy is inferior to the strategy of rationality and efficiency of criminal proceedings through the introduction of reduced production facilities, as well as "quasi" productions, which contributes to the development of social inequality, including in the area of criminal procedure regulation.

The author believes that any changes and innovations will be effective only if the extremely high level of social inequality is reduced (at present this is one of the institutional problems noted in the Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the period up to 2020).

Thus, it can be stated that in one way or another the CCP RF reflects the elements of most of the above listed strategies. Moreover, some of them are antagonistic. It seems that in the light of the foregoing, further improvement of the criminal procedure law and adjustment of its application practice should be implemented in such a conceptual direction as a clear identification of the goal-setting in terms of creating a structure of goals, tasks and functions in the field of criminal justice.

References

1. Cheltsov-Bebutov, M.A. (1995) *Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava: ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuanizmskikh gosudarstvakh* [Criminal procedure law: Essays on the history of the court and criminal process in slave-owning, feudal and bourgeois states]. St. Petersburg: Al'fa, Ravena.
2. Polyanskiy, N.N. (1911) *Ugolovnyy protsess: Ugolovnyy sud, yego ustroystvo i deyatel'-nost'* [Criminal trial: Criminal court, its structure and activity]. Moscow: I.D Sytin.
3. Smirnova, I.G. (2012) *Sotsial'naya tsennost' rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [The social value of Russian criminal justice]. Law Dr. Diss. Tomsk.
4. Tomin, V.T. (n.d.) *Strategiya ugolovnogo sudoproizvodstva i nekotoryye yeye sostavlyayushchiye: ponyatiynny i terminologicheskoy instrumentariy issledovaniya* [The strategy of criminal justice and some of its components: conceptual and terminological research tools]. [Online] Available from: <http://www.uaaj.net>. (Accessed: 12th March 2018).
5. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
6. Stoyko, N.G. (2007) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noye teoretiko-pravovoye issledovaniye anglo-amerikanskoy i Romano-germanskoy pravovykh sistem* [The criminal process of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-German legal systems]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
7. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [The Course of the Criminal Process]. Moscow: Statut.
8. Muravyev, K.V. (2017) *Optimizatsiya ugolovnogo protsessa kak formy primeneniya ugolovnogo zakona* [Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
9. Popov, A.P. (2006) *Tsepolaganiye v sovremennom otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve* [Goal setting in modern Russian criminal court proceedings]. Law Dr. Diss. Nizhny Novgorod.